

The book cover features a stylized illustration. On the left, a close-up of a person's face is shown in a sketchy, watercolor-like style. The skin is light with some reddish spots, and the lips are a vibrant red. A bright, glowing blue light emanates from the right side of the face, extending towards the center. On the right side of the cover, there is a dark, shadowy area with a pattern of small red dots, possibly representing a window or a wall. In the top right corner, there is a white circle containing the text '16+'.

16+

Катя Коробкина

Последняя зarya

Катя Коробкина

Последняя заря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66558916

SelfPub; 2021

Аннотация

Этой повестью открывается серия произведений о докторе Рихарте: о том, что было прежде, и о том, что будет после.

Точка отсчёта.

Война и спасение.

Катя Коробкина

Последняя заря

Кем бы ни были ты или я –

Завтра мы на секунду герои

...

Своды наверху были тяжелы, круты, в потёках, обрамлённых крупой белых высолов. По стене медленно полз вверх прямоугольник солнечного света, расчерченный квадратами от оконной решётки. Медленно полз, неумолимо... С утра он выглядел невыносимо белым, а чем ближе к вечеру, тем сильнее он наливался алым.

Сосед по камере – молоденький юнкерок, совсем мальчишка: глаза-черешни, прядки на мокрых висках, тонкая кожа докрасна загоревшая на скулах и носу. До войны, верно, проказничал вместе с товарищами по корпусу, дрался на саблях-шлегерах, да дразнил цветочниц вдоль променадов... Сегодня он давился слезами, оперевшись в стену лбом, тихо, чтобы не выдать себя. Юнкера корёжило, он захлёбывался и всё впечатывал кулак в ненавистную стену – штукатурка от его крови побурела. Этим утром им просунули под дверь две четвертушки листа и карандаш – кто-то сжалился и позволил отписать последние строчки родным.

Доктор от своей доли отказался, и мальчишка сперва настроил бисерным почерком столбик стихов, затем добавил короткую приписочку в конце, уронил взъерошенную голову на руки и притих...

Утром бумажки эти останутся здесь, на столе. Возможно даже, что попадут к адресату. Вероятно, писал мальчишка для барышни. Той самой, с которой отплясывал мазурку и апельсинами угощал. Поплачет она? Поплачет, успокоится. Забудет. Составит пару какому-нибудь купчине. А у юнкера больше никого в этой жизни не случится. Маменьку только, небось, вспомнит завтра, когда будут стоять у стенки, глядя в холодные глаза винтовок.

– Скажите, вы не знаете, когда человек умирает, ему всегда больно?

Тот, к кому обратился мальчишка, пожал плечами, не отрывая неподвижного взгляда от клочка неба за решёткой. Так он проводил очередной день, то поджав колени к подбородку, то лёжа навзничь, не обращая внимания на горячую ноющую боль в правой руке. Как и след от окна она ползла выше и выше, отёк добрался уже почти до плеча, но человеку было всё равно.

– Глупо, Господи... Как же глупо... Как ягнёнок на заклании... А я... Я хотел в строю, на баррикадах... Как мужчина... В бою, в сражении, чёрт возьми!!! А тут... Как телёнок... Как быдло... На бойне... Не хочу, силы небесные, не хочу-у-у-у!!!

У мальчишки началась истерика. Доктор лёг на нары, отвернулся носом к стене, устраивая поудобнее искалеченную руку. У него есть ещё целая ночь, чтобы вспоминать...

То была воистину волшебная ночь – спокойная, совсем, как до войны. Воздух мягкий от тумана. Шелест молодой листвы и надрывное щёлканье соловья, оглохшего от взрывов – не слышал он, что теперь атаки закончились и точно хотел накричаться за всё то время, что в небе и на земле гремели снаряды.

Это была оглушительно тихая ночь.

Полевой госпиталь погрузился в сон, мерцали и подрагивали ночники на палаточных шестах, изредка кто-нибудь пересохшим ртом просил воды.

Вторые сутки Доктор простоял, не разгибаясь, над операционным столом... Над развёрстными животами, над оторванными ногами, по локти в петлях кишок, в кровавом месиве, среди развороченных от шеи до волос лиц. Сейчас был самый момент упасть и забыться на время затишья, отдохнуть, но, видимо, внутренние запасы были мобилизованы настолько, что теперь даже не тяжелели веки. Доктор сидел на земле, подстелив шинель, и курил, прикрыв воспалившиеся от отсутствия сна глаза – резало так, словно в них песку насыпали.

Он ненавидел войну всеми фибрами души: до нервного отвращения, до передёргивания, и сам же одним из первых

на факультете вызвался добровольцем в полевой госпиталь и о своём выборе не жалел. Он считал, что подобные решения и называются долгом чести, а иначе – много ли от неё проку? «Я немного послужу и вернусь домой,» – неубедительно солгал он сам себе, когда запирали свою комнату, но в тот момент уже твёрдо знал, что «немного» растянется до конца, если повезёт – до победы.

За последние годы наука и техника в обеих Империях шагнули далеко вперёд, на смену пикам, требушатам и бомбардам пришли военизированные цеппелины-бомбомёты, отравляющий газ и снаряды с мириадами опаснейших микробных частиц. Оболочки их из прочной керамики заключали в себе неотвратимую смерть, и когда нашпигованные осколками солдаты начинали гнить заживо изнутри, из ран, спасти их не могло даже чудо. Это было одновременно мерзко и страшно, и в то же время завораживало: неужто человеческий разум оказался силён настолько, чтобы заставить служить себе этих грозных невидимок?

Нет... Ни в коем случае нельзя давать себе слабину – таким восхищаться недопустимо, коль уж тебе довелось стать врачом, исцеляющим раны и возвращающим жизнь...

Доктор докурил.

На посту в палатке коптила керосинка, выхватывала из полумрака копну пылающе-рыжих волос: дежурная сестра задремала, придавила локтем платок, вот он и сполз. И была это сестра Даша: молчаливое создание, заметное лишь вызы-

вающей своей рыжиной и совершенно неслышное, конопатая, как кукушкино яйцо и от этого очень некрасивая в своём белоснежном чепце-апостольнике, открывающем только лицо. Сколько Доктор ни силился, он никак не мог вспомнить её голос: лишь пару раз за всё время он слышал, как Даша тихонько переговаривается с ранеными да мурлычет себе под нос, щипая корпию.

Соловей голосил, как ненормальный, разливаясь во все колена...

От неяркого света лампы вся причёска сестры светилась, точно тлеющие в печке угли. И Доктору нестерпимо захотелось дотронуться до этого живого огня, ощутить как дрогнут податливо рыжие кудри под его ладонью, и он не сумел удержаться от искушения... Даша вскинулась, заморгала опухшими со сна глазами.

– Ступайте отдыхать... Я пришлю вам смену... – только и сумел пробормотать сконфуженный Доктор.

И, когда, наконец, вернулся к себе, уснул, едва коснувшись щекой подушки.

К ночи температура в камере заметно упала, и прохлада привела Доктора в чувство. Он завозился на своих нарах, разминая затёкшую шею здоровой рукой, затем сел. Его сосед по камере уставился неподвижным взглядом на улицу, в чёрных глазах полоскался месяц.

– Почему вы молчите? Неужели вам не хочется что-ни-

будь сказать сегодня? – спросил он, заметив, что Доктор зашевелился.

– Голова трещит. Не хочу.

– Послушайте тогда. Меня зовут Стефан Игорь, – глухо проговорил юнкер. – Мой отец – советник пятого класса при департаменте по дипломатическим связям. Я служил в седьмом пехотном полку трубачом.

– И за что же вас, своего-то?

– За дезертирство. Когда началась атака, я должен был заиграть «Марш, марш!». А трубу расплющило осколком... Я ничего не мог поделывать... По законам военного времени...

Детским забавам пришёл конец. Это война... Сегодня его черёд, а завтра на его месте может оказаться любой из тех, с кем он сражался плечом к плечу, кто утром будет стоять в шеренге и молиться, чтобы его винтовка оказалась незаряженной.

Страшно ли казнить товарища?..

Вчера ещё два человека были врагами. Сегодня сидят в одной камере, а завтра, когда их поведут перед строем, оба они на мгновение поднимутся надо всеми в гордом своём предсмертном родстве. Всего на миг, но разве это уже будет иметь значение?

..А когда живого человека разрывает снарядом, ему больно?..

Даша оказалась так непохожа на барышень из прошлой,

довоенной, жизни!

Прежде круг общения Доктора мало выходил за пределы товарищей по лицу, академии, научному кружку. Это были молодые люди сплошь из образованной среды: умные, бонтонные, с положением в обществе, подающие надежды в учёном мире. Среди них встречались и отчаянные сорванцы, и любители приложиться к бутылке, азартные игроки и ярые сторонники революционных веяний. Барышням же вход в этот сакральный мир высших идей и мужского *fraternité* был заказан – ещё не пришло время расцвета эмансипации, но флёр её уже пробивался сквозь запреты: сёстры товарищей, вчерашние гимназистки и институтки – мало-помалу их тоже косила эпидемия свободомыслия и бунтарства... И хотя на танцевальных собраниях барышни всё ещё придерживались установленных веками правил политеса, ускользнув от строгих взглядов старших дам тайком покуривали в тесных компаниях подруг и читали запрещённую литературу.

Безусловно, для Доктора не было секретом, что отношения между мужчиной и женщиной предполагают помимо дружеского общения ещё и другие способы. Однако неизвестным чудом ему удалось избежать юношеской влюблённости в кuzину или же её гувернантку – наиболее обычные объекты воздыхания неоперившихся юнцов. Днями напролет в учении, занятый не зубрёжкой, так собственными мыслями, он попросту позабыл об этих нежных существах, созданных, чтобы их обхаживали, лили им в уши всякую ми-

люю чушь и совершали глупости в их честь. Физиологическая область отношений мужчины и женщины для Доктора обреталась где-то среди литографий анатомического атласа, была затверждена и отвечена на экзамене – впрочем, как и остальные аспекты естества человеческого – на "отлично". Кончилось, правда, тем, что в винном угаре после успешного закрытия сессии третьего года Доктор потерял невинность в зареве красных фонарей, и хотя это был единственный опыт столь близкого и столь деликатного сношения с женским полом, вспоминал он его мучительно, со стыдом и даже отвращением, а чаще всего вовсе избегал вспоминать.

А Даша...

Чёрт подери! Он и не думал, что умеет так остро чувствовать присутствие другого человека в своей жизни!

Как будто в один день исчез тот чудесный витамин, что поддерживал его существование, и лишь Дашей могло восполниться отсутствие необходимого вещества. Видеть её, слышать, чувствовать запах её – горьковато-стерильный букет карболки, можжевеловых курений и мятного зубного порошка – вдруг превратилось в насущную потребность, справиться с которой было сложнее, чем с жаждой или голодом, чем с потребностью во сне. Чувствовал Доктор прежде, что война задушила внутри него всё человеческое: способность чувствовать и воспринимать, но к счастью это оказалось неправдой. Когда смерть дышит за плечом, а каждое следующее утро может стать последним, не остаётся выбо-

ра – приходится пить жизнь, смакуя каждый глоток и ощущая весь букет пьянящей амброзии.

Уютная Даша была и домашняя...

– Ох, вернусь, и первым же делом сменю эту униформу на новое платье... Сошью себе нарядное, как никогда не носила. Хочу голубое и шампань, вырез-каре, а юбка узкая и небольшой трен из голубой органзы... Понимаешь? Да нет, что это я за глупости болтаю!.. Не обращай внимания, – заулыбалась она чуть виновато и пристроила поудобнее голову на его плече, обтянутом рубашечным полотном.

Доктор дёргал её за кончик упругого локона, выбившегося из-под платка, и тихо улыбался тоже. Но так, чтобы Даша этого не заметила.

Существовали они в безвременьи, здесь и сейчас, где слова были излишни. Дни пролетали в неистовом ритме... Уже стало привычным, что небо может падать и гореть, и даже когда от грохота разрывающихся снарядов закладывало уши, сердце работало ровно, как метроном. Но что бы ни случилось, Доктор не сомневался: они не потеряют друг друга.

– Вместе... И это будут не бомбы, а майская гроза за окном... Когда-нибудь... Ведь правда?

С начала войны госпитальное сестричество пополнялось дамами и барышнями из разных слоёв общества. Сама императрица и великие княжны – все четыре, даже меньшая – Александра, которой в ту пору шёл пятнадцатый год, – в

стремлении исполнить свой гражданский и духовный долг, облачились в форму и трудились в лазаретах.

Облачение сестёр по строгости напоминало монашеское, только вместо подрясника надевалось платье простого кроя: зимою тёмно-синее шерстяное, летом – из светлого ситца. Поверх платья – белый передник с карманами и белый же апостольник. В смирении и строгости утоляли сёстры страданиях раненых и зачастую гибли вместе с ними под градом снарядов и пуль.

Пересыпая в памяти песчинки-мгновения, Доктор неоднократно задумывался над тем, каким же мужеством необходимо обладать, чтобы, оставив мирную жизнь, подвергнуть себя опасности во имя служения ближнему. И пускай даже устав ордена не предполагал принесения монашеских обетов – сёстры были вольны в любой момент покинуть общину, Доктор ежедневно видел сам, что такое война, и потому вдвойне преклонялся перед решением сестёр.

Лето постепенно перевалило за середину и уже близилось к концу. Погода безо всякой прелюдии резко переменилась, похолодало, частые ливни превратили дороги в раскисшее месиво. За последние недели фронт вернулся вёрст на пятьдесят западнее, и санитарная рота отступала вместе с полком.

На попечении сестёр милосердия оставалось около пятнадцати человек – раненые во время последней атаки и те, кого опасно было теперь перемещать. Среди последних по

несчастливой случайности оказался молоденький подпоручик Петя Крейцер, который свалился с лошади – лопнула сгнившая от сырости подпруга, – да так неудачно, что, приложившись головой о камень, четвёртый день он метался в бреду. Ему выпилили кусок кости в своде черепа – освободили место для отекающего мозга. «Вот, сегодня отойдёт, как Бог свят!...» – шептались сёстры, но из последних сил и каким-то чудом Петя ещё жил.

Единственное, что радовало в госпитальном существовании, это то, что пока хватало морфия для раненых, и то, что Даша была рядом.

Даша рассказала, что родилась и выросла в имении под Кобургом. Отец – помещик, мать умерла вскоре после рождения второй дочери, за Дашей и сестрой ходила незамужняя тётка с отцовской стороны, которая нашла утешение в обучении сельской ребятни грамоте и счёту. С Дашей давали солидное приданое, однако никто не спешил взять в жёны рябенькую огненно-рыжую барышню. Было ясно – хорошей партии ей не сделать, а без любви идти замуж ей претило, да и призвание своё она искала в другом. Довелось ей побывать и под Акъяром в осаду, а после того, как город сдали, она долго колесила по полям сражений с санитарными обозами, пока не оказалась приписана к нынешнему, где и встретились они с Доктором.

Это была оглушительно тихая ночь...

Лето подходило к концу, но последние пару дней парило нещадно, в палатках было душно, как в аду. Раненые всё просили пить, и сестра на посту каждую четверть часа наполняла кувшин кипячёной водой, та не успевала остывать. Все как избавления ожидали ливня, но его всё не было и не было... Не выдержав, Доктор позволил себе снять форменный китель и расстегнуть две пуговицы на вороте сорочки.

Тут отлетел в сторону край полога.

– Доктор, Крейцер кончается!

Доктор, натягивая на ходу отвратительный жёсткий китель, бросился в палатку лазарета.

Подпоручик Петя Крейцер агонизировал. Весь в холодном поту, он содрогался в конвульсиях. Сквозь хриплое частое дыхание едва можно было разобрать, что зовёт он маменьку, сестру Лизу... Зрачки расширились до предела и закрыли полностью раёк, превратили глаза в два бездонных чёрных пятна. Сестра Марта пыталась удержать на лбу несчастного пузырь с холодной водой: «Тише, тише, миленький...». В последний миг взгляд его стал вдруг осмысленным, Петя крикнул жалобно ещё раз «Мама!..» и обмяк.

– Десять, тридцать две, – глухо сказал Доктор, взглянув на часы, и на выходе велел: – Сестра Марта, родным напишите, у вас хорошо выходит подобрать нужные слова.

Парило ужасно, и даже здесь, на высоком берегу над рекой не было и намёка на свежесть... От духоты осоловели и цикады, хотя прежде по вечерам воздух трещал, как моло-

тилка на току. Вечерняя заря догорала – край неба за рекой ещё светился алым. И, проводив последний отблеск, Доктор затушил папиросу и растёр каблуком окурки.

«Спать».

До палатки он не дошёл.

– Даша?

Положил ей руку на плечо – плечо тряслось мелкой дрожью.

– Что с тобой?

– Петю жалко...

Прежде Доктору не доводилось видеть, чтобы Даша плакала: даже во время самых тяжёлых и безнадёжных операций, когда раненый умирал у неё на руках от боли, когда не хватало действия морфия – даже тогда она с каменным лицом делала своё дело, синие глаза были сухи, движения экономны и точны. А тут...

Он присел рядом, задел ладонью её ладонь – Даша вцепилась в пальцы, как в спасательный круг, чего прежде себе не позволяла.

– Сил нет... Я устала... Очень...

– Пойдём, провожу тебя... А если нас увидят вместе...

Пусть себе думают, что хотят.

– Я не о том. Не о сейчас...

– Ясно.

И они примолкли: рука в руке, бок о бок на хлипкой лавочке над обрывистым берегом. От чужих глаз их прикрывал

лозняк, оплетённый диким вьюнком и хмелем. Даша притихла. «Наплакалась вволю, вот и задремала, бедняжка...». Его и самого клонило в сон от томительной духоты и тяжёлого аромата вьюнков.

Там и тут в небе поблёскивали зарницы, скользили по небу огненные змеи.

И тут среди этого безмолвия разрывая ночь – вспышка, грохот тысячи булжников – в вышине, в темноте, вокруг!!!

– Тише, тише. Это гром...

Под налетевшим шквалом затрепетали испуганные листья, всё громче и громче, и вот – первые капли грянули оглушительное стакатто. Сразу стало свежо, и Доктор набросил на плечи Даше свой китель: она не озябнет, а сам он был рад охладиться.

– Идём?

Она помотала головой.

Снова молния – теперь с сухим треском над самой головой – заставила вздрогнуть даже Доктора.

А Даша вдруг рассмеялась.

– Пойдём. Я хочу под дождь

– Это опасно. Вдруг разряд?

– Ну, пожалуйста, доктор Рихарт, одну секундочку!..

И, взметнув светлой юбкой в темноте, припустила по лугу. Оступилась, упала.

Она не поднималась, и Доктор пошёл помочь ей подняться, но Даша не встала – она всё хохотала исступлённо – или

снова рыдала? Сквозь шум дождя и ветра не разобрать...

Вслед за очередной вспышкой в небе зажглось и не погасло. Но то была уже не молния – на высоте десятка саженей над землёй повисли три светящихся шара и медленно-медленно опадали вниз.

Грохнуло совсем рядом. Дрожь прокатилась под ногами и затухла.

«Так близко? Линия окопов ведь в другой стороне... Не станут же палить по расположению госпиталя!.. Не должны...».

И тут среди ударов капель воды Доктор различил тихий, едва уловимый свист. Он быстро нарастал, и вот, уже не свист, а ввинчивающийся в черепную коробку рёв, всё ниже и ниже, всё ближе, всё громче... «Снаряд. Дальнобойный. Быть того не может,» – мелькнуло в голове. Даша тоже замерла, замороженно глядя вверх, а светлое платье в зареве осветительных снарядов наливалось оранжевым...

Это случилось мгновенно. Она не успела ни отбежать, ни даже встать. Доктор не успел шевельнуться. Взрывом его отбросило к кустам, оглушило, отбило способность мыслить, и дальше бомбёжку он уже не мог ни видеть, ни слышать.

Уже когда было светло, когда его подняли и понесли, он разлепил с трудом веки и, проплывая мимо окровавленного клуба смешанных с землёй тряпок, мимо потухшей пушистой рыжины, ясно увидел и понял всё.

Мир рухнул в чёрную липкую дыру.

– Светает... – пустым голосом сказал Стефан Игорь.

«И что с того?..».

Потолок и четыре стены. Прямоугольное окно. Нары. Два незнакомых прежде человека. И третий присел на краешек табурета – их безногая невеста Смерть.

Мальчишка был благоговейно спокоен – даже руки не тряслись. Из глаз пропал горячечный огонь. За ночь он успел уговорить себя, приготовить к необычному венчанию – он был уже наполовину там.

Пожалуй, оставалось самое тягостное – дожждаться шагов в коридоре и лязга замка. Но сейчас уже всё равно. Только хотелось, чтобы это случилось не в казематах, а на воздухе. И поскорей бы уже...

Их вывели во внутренний дворик, в стенах его пестрели выбоины, как дырки в сыре. Было зябко. Шеренга солдат, перепоясанных крест-накрест белым, серое небо. Кажется, Игорь попросил не завязывать ему глаза, и капрал покладисто убрал чёрный шарф.

То ли от холодного воздуха, то ли от лихорадки Доктору перехватило дыхание, накатил волной и подмял тянущий душу страх и окоченели пальцы, словно в отместку за предыдущее равнодушное ожидание конца. Доктор судорожно рванул ворот рубашки, зацепился за цепочку на шее. Та разорвалась.

У ног звякнуло.

А затем...

Затем снова провал в памяти. Он опомнился сидя на стуле в похожем на канцелярию помещении – много папок и бумаг, где только можно было их примостить, едкий запах чернил и сургуча. На столе перед ним лежал его войсковой жетон с изображением двух змей, обвившихся вокруг посоха.

Сперва рявкнул грубый резкий голос. Затем вмешался заискивающий высокий.

– Почему вы сразу не доложили, что вы не строевой?!!

– Господин ротмистр, позвольте... Он был оглушён, на допросах не отвечал...

– Вы идиот, капрал!.. Где вас учили так допрашивать пленных? Опять собирались устроить показательный расстрел?!.. "Педагогические акции..." О-ли-го-френ!.. Вон отсюда!.. Ещё раз!..

Бухнула дверь. Стол содрогнулся, медальон подскочил.

– Вы слышите меня? Как ваше имя? Помните?

– Рихарт... Вальтер Дитрих Рихарт, – медленно проговорил доктор. – Санитарная рота СП-12, старший хирург. Лейтенант.

– Лейтена-ант... Да из вас же, врачей, лейтенанты как из... сопли пуля. Оружие хоть дали?

Доктор мотнул головой.

– А чего только лейтенант? Не дослужился? Клистирной трубкой в дупло не попадал?

– Не успели представить.

– А с рукой что? Пытали?

– Нет, – он сглотнул липкую слюну, едва не задохся снова.

Прокашлялся. – Зацепило.

– Пыток мне ещё тут не хватало... – буркнул ротмистр и громко окликнул: – Капрал!

– Господин ротмистр?..

– Оформите его в лазарет. А затем – переводную на поселение.

– На общее, господин ротмистр?

– Упаси вас Господь! Медик же. В Опсу. Где господа офицеры. Знакомых ещё встретите. А, Рихарт?

Тот медленно перевёл взгляд за окно.

В сером квадрате, расчерченном решёткой, показался край неумытого сентябрьского солнца...